

УДК 130.2
ББК 71.0

Никольский Сергей Анатольевич,
доктор философских наук,
заведующий сектором философии культуры,
Институт философии РАН,
ул. Гончарная, 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Российская федерация
E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

«НОВЫЕ ЛЮДИ» В ИХ НАЦЕЛЕННОСТИ НА КРЕСТЬЯНСТВО КАК ИДЕЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ № 14-03-00190 «Проблема «культурного кода» современной России. Философско-культурологический анализ»

Аннотация: Тема «новых людей» — одна из магистральных тем отечественной классической литературы, художественной по форме и философской по содержанию. В своей нацеленности на крестьянство «новые люди» обнаруживают одно из наиболее интересных своих проявлений. При этом их взгляд на крестьянство имеет историческую природу — русское литературное философствование начинается с идеи именно «новых людей», представленной как утопия русской жизни и крестьянского мира, её части. С И. С. Тургенева — его «Записок охотника» и романной прозы, в особенности с романа «Новь», — эта тема становится одной из центральных. Она глубоко исследуется Львом Толстым и Николаем Лесковым, Иваном Гончаровым и Антоном Чеховым. Однако в дальнейшем развитии наблюдается отход от идей государственного патернализма и понуждений к революционному бунтарству, к новой идее: взгляду на народ как на «материал» для эпохи революционных преобразований, из которого должен возникнуть человек «коммунистической эпохи».

Ключевые слова: культура, история, литература, новые люди, крестьянство, земледелец, общество, общественное сознание, личность, деятельность.

Знакомство с русской классической литературой XIX столетия убеждает, что одной из её любимых идей и теоретических забот были так называемые «новые люди». И это не было «*idée fixe*». Разысканию явления в действительности, равно как и попыткам сотворения «гомункулюса» хотя бы и в художественной форме, отдали много сил философствующие литераторы. Что же до XX в., то с наступлением советской эпохи эта проблема и вовсе сделалась одной из приоритетных среди литературных задач «пролетарского государства». Без воплощения в той или иной форме идеи «нового коммунистического человека» не обходилось ни одно значимое произведение.

Русская литература, если вести её начало от Дениса Ивановича Фонвизина, в творчестве которого герои обретают собственные голоса и лица, тему «нового человека» в поле своих исследований она обозначила сразу. Центральными героями «Недоросля» (1781) с точки зрения обозначенной проблемы оказываются не влюблённые — Милон и Софья, а Стародум, Софьин дядя-предприниматель, равно как и царский чиновник Правдин. Главная коллизия комедии разворачивается вокруг их действий, которые разрушают планы злонамеренной помещицы Простаковой.

Наказание Простаковой оказывается двойным. Это, как помним, отказ Софьи выходить замуж за её сына Митрофана. Дядя, составивший состояние личным трудом в Сибири, благословляет Софью на брак с достойным человеком и храбрым офицером Милоном. И, во-вторых, намерение помещицы беспричинно наказывать слуг сурово пресекается Правдиным, который данной ему властью лишает Простаковых имения и крепостных, забирая их «под опеку правительства». В этом движении героев автор недвусмысленно обозначает «объект» усилий «новых людей» — крестьянина, что в дальнейшем будет неизменно воспроизводиться русской классикой. Что же до конкретного решения чиновника, то оно подаётся как справедливое действие просвещённого и заботящегося о своих подданных монарха. На слова Простаковой о том, что она вольна поступать со своими людьми как ей заблагорассудится, т. е. согласно изданному в 1762 г. «Указу о вольности дворянской», следует ответ Правдина: «Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен» [8, с. 58].

В контексте дальнейших движений русской литературы в обозначенном направлении особенно любопытен финал комедии. Брат Простаковой Скотинин, так же как и Митрофан, потерпевший поражение в намерении с выгодой жениться на неожиданно разбогатевшей Софье, покидает место действия: «Уберусь же я отсюда подобру-поздорову. <...> Мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь, да и...» [8, с. 59]. У Фонвизина впервые и, возможно, единственный раз в русской литературной традиции посрамлённое зло уступает дорогу добру. (В дальнейшем, начиная с грибоедовского Чацкого, освобождать место всегда будет добро.) Более того, зло наказано даже прежде, чем оно успело что-либо предпринять [8, с. 60]¹. Разумная и человеческая власть творит справедливость. Достойные люди не только провозглашают идеи правды и добра, но и в самом деле свободны и вознаграждены за свои чистые помыслы и труды. Таковы закреплённые в драматургических образах и поступках просвещённых «новых людей» надежды и ожидания философствующего автора.

Очевидно, что исторически русское литературное философствование начинается с идеи именно «новых людей» и оба позитивных образа Фонвизина — плод своеобразной утопии русской жизни и её части крестьянского мира. Кстати сказать, утопией этой намечается (столбится на будущее) ещё не однажды воспроизведённый в русской гуманитарной мысли метод мысленного конструирования желаемой

¹ При этом сила просвещённого добра столь велика, что оно оказывается способным даже переделать само зло: «Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно», — говорит Стародум наказанной Простаковой.

реальности. В XIX столетии он был всесторонне разработан Львом Толстым во второй, «религиозно-метафизический», период его творчества, равно как и Фёдором Достоевским.

Впрочем, у других классиков начала XIX столетия судьбы «новых людей» нередко оказываются более непредсказуемыми и тяжкими и за ними закрепляется иной эпитет. Так, уже пушкинский «новый человек» Евгений Онегин в отечественной гуманитарной традиции оказывается человеком не столько «новым», сколько «лишним». Столь же «лишний» для жизни, не вписывающийся в её логику и диссонирующий с господствующими общественными ценностями и нравами, заботящийся о крепостных молодой помещик Владимир Дубровский (одноимённая пушкинская повесть). Не может найти своё собственное место мечущийся между народом и властью Пётр Гринев (повесть «Капитанская дочка»). Галерею «лишних людей» пополняют Александр Андреевич Чацкий (комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»), Григорий Александрович Печорин (роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»), да и гоголевский Павел Иванович Чичиков хоть и с противоположным знаком, но тоже из этого ряда.

Однако если у названных художников мы почти не находим размышлений по поводу того, чем обусловлено положение изображаемых ими персонажей как людей лишних, то начиная с романной прозы И. С. Тургенева именно этот вопрос становится центральным. При этом объяснение этого положения первоначально связывается с личным неумением героев заниматься практической предметной деятельностью. Вот как Дмитрий Николаевич Рудин, главная фигура одноимённого романа, подводит итог длинным разговорам о себе: «Строить я никогда ничего не умел; да и мудрено, брат, строить, когда и почвы-то под ногами нету, когда самому приходится собственный свой фундамент создавать!» [7, с. 117].

Образом Фёдора Ивановича Лаврецкого (роман «Дворянское гнездо») Тургенев открыл в русской литературе тему частной жизни образованного, рационального, нравственного и, что особенно важно, хозяйственно успешного человека. И хотя Лаврецкий по тому, как он распоряжается своей жизнью, вроде и не «лишний человек», но его исключительность, нетипичность таковым его всё же делает, а печальный жизненный итог положение это закрепляет.

Определённо чужд России не только в переносном, но и в прямом смысле герой следующего тургеневского романа «Накануне» — болгарин Инсаров. Вместе с тем этот герой, безусловно, также и «новый человек» — один из первых в отечественной литературе революционеров, хотя и иноземный. И уже в нём автор подмечает, может быть, главную характеристику людей, преследующих прежде всего разрушительную цель — ограниченность их мыслительного горизонта, невнимание и беспечность к вопросу: возможно ли будет (и каким образом) делать что-либо конструктивное после того, как разрушение состоялось. Для них вполне естественно не думать о крестьянине — главной фигуре нынешнего и будущего мира. И по этой причине сама их умозрительная «проектантская» суэта теряет всякий смысл.

Может быть, почувствовав всю остроту этой, как оказалось, двуединой проблемы (разрушения – созидания), равно как и проблемы субъекта массового (народ-

ного) действия, Тургенев создаёт один из самых известных своих романов «Отцы и дети». Его герой — «новый человек», но вместе с тем и человек «лишний», из народа хотя и произошедший, но о нём благополучно забывший и потому ставший народу (крестьянству) чужим. Вспомним знаменитое обращение Базарова к мужикам по поводу будущего страны и их знаменательное замечание: барин, разве он понимать может.

В этом романе, как бы в продолжение предыдущих [4]², в острой философско-художественной форме вновь рассматривается поставленная ещё Н. А. Добролюбовым концепция-вопрос: «Можно ли сдвинуть с места ящик-общество, находясь не снаружи, а сидя внутри него?»

В Базарове Тургенев предложил вариант «русского Инсарова». Ведь после выполнения задачи изгнания иностранных поработителей он неизбежно столкнётся с проблемой позитивного преобразования общества, в котором живёт и несвобода которого является его, общества, органичным состоянием.

В своём позитивном деле «новый человек» Базаров терпит крушение. Тотальное российское «раздолбайство» (у уездного лекаря ланцеты тупы и адского камня, даже при работе в зоне тифозной эпидемии, при себе нет) в данном случае оказывается своеобразной защитной реакцией: самоназванный «демократический» вождь гибнет от яда мужицкого трупа. И этот сюжетный ход беспощадно обнажает перед нами не базаровский, игрушечный по большому счёту, а настоящий великий исконный российский нигилизм — отрицание культуры во всех её проявлениях, в том числе и в форме культуры профессиональной. «Вы, господин Базаров, хотели “место расчистить”, торжество нигилизма увидеть, так извольте получить», — примерно так звучит вынесенный Россией Базарову исторический приговор. «Новый человек», хотя и занятый позитивным делом, но настроенный лишь разрушительно-революционно, не принимающий во внимание крестьянство, живущее по своим законам и традициям, народным телом как чуждый элемент отторгается, герой оказывается человеком «лишним». Таково зафиксированное Тургеневым содержание очередной ступени российского литературного исследования проблемы «лишних» и «новых людей» в их соприкосновении с крестьянским миром.

Но «новые люди» в России — это, к сожалению, не только попытки размышлять о реальных преобразованиях, но и в ещё большей мере болтовня. Об этом не только «Рудин», но и роман Тургенева «Дым». В нём изображаются разные силы общественно-политической жизни страны. Революционные демократы предреформенной поры, всё более склоняющиеся к тому, чтобы любыми средствами спровоцировать крестьянскую революцию. Либералы-западники, выступающие за утверждение в России хозяйственной и общественно-политической системы, основанной на личной собственности, экономической эффективности, свободе и правах человека. Тут же славянофилы, обуреваемые чувством ложно понятой национальной гордости и старающиеся измыслить некий особый русский путь, в том числе посредством

² Романы Тургенева с точки зрения проблемы «позитивного дела» в России представляются мне единым целым.

обоснования принципиально отличной от Европы российской «особости» вкупе с якобы предопределённой Богом всемирно-исторической миссией русского народа [3, с. 101, 125]³.

Романом «Дым», который многие исследователи считают одним из лучших тургеневских произведений, после его выхода были недовольны все. Консерваторы — недоброжелательным изображением высшего общества, революционеры — отрицанием возможности революции, славянофилы — культурной «дискредитацией» России и её «унижением» перед Западом. И никто не заметил того конструктивного элемента, который, как и в предыдущих произведениях, явил себя в истории хозяйствования главного героя романа — помещика Литвинова.

Впрочем, само позитивное дело «нового человека-созидателя» только зарождалось, а заложенное свободой семя едва «давало росток». Но росток креп и в следующем финальном труде тургеневской эпопеи получил развитие. В письме автора А. П. Философовой читаем: «...народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего здорового развития, разложения и сложения», теперь «Базаровы не нужны», а, напротив, «нужно трудолюбие, терпение; нужно уметь жертвовать собою без всякого блеску и треску... Учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т.д.» [6, с. 290–291].

Будучи убеждённым сторонником западного проектирования путей развития родины, Тургенев перенёс героя последнего своего романа «Новь», управляющего фабрикой, русского по духу и европейца по образованию, в российскую среду. Василий Федотыч Соломин — сын дьячка, преуспевший в изучении математики и механики настолько, что получает возможность в течение двух лет пополнять образование в Манчестере. Народникам он не подходил, поскольку отвергал идею революционизации крестьянства, использования мужиков в качестве «материала» для революционного костра (хождение в народ с целью бунта). Со славянофильской идеологией не согласовывался по идеям отрицания всего западного. Для правительственных кругов, всё более тяготевших к отечественным формам «либерализма» (как говаривал один из тургеневских персонажей, «вежливо, но в зубы»), был опасен демократизмом и приверженностью идее правового ограничения самодержавия. Его путь — постепенная легальная работа с «низами» через школу, больницу, судебную защиту. И главное для него средство преобразований — упорный труд.

Параллельно тургеневским исканиям «нового человека» в его нацеленности на изменение русского мира такая же работа выполнялась и И. А. Гончаровым. В результате, духовным родственником героя «Нови» Соломина оказывается

³ Такая позиция не была необычной для русского общества середины XIX в. Достаточно сказать, что, познакомившись примерно в этот период с Л. Н. Толстым, Тургенев, к своему удивлению, обнаружил в нём человека, который с удовольствием играл роль не только завсегдага цыганских кабаков и солдафона, но и пламенного общественного трибуна, видевшего спасение России в немедленном и полном разрушении начатков европейской цивилизации. К тому же, рекомендуя себя в качестве либерала, Толстой накануне реформы всё ещё оставался на стороне крепостников-собственников.

Андрей Иванович Штольц, ближайший друг-антипод несомненного любимца русского народа Ильи Ильича Обломова. При этом оба «новых» позитивных героя хотя и не стали в полной мере для России своими, тем не менее понемногу переставали считаться «лишними».

Феномен Штольца Гончаров объясняет прежде всего воспитанием, которое избрал для него не один отец (в этом случае на свет явился бы ограниченный немецкий бюргер), но и мать. И если отец олицетворяет материально-практическое, рациональное начало и хотел бы видеть в сыне продолжение намеченной его предками и продлеваемой им линии жизни делового человека, то мать — начало идеально-духовное, эмоциональное. В сыне ей грезится культурный «барин». В романе «Обломов» тот и другой идеалы связываются с разными общественно-экономическими укладами. И если ориентация на барство, череду «благородно-бесполезно» живущих поколений, которые при этом порой являют «мягкость, деликатность, снисхождение» к крестьянству, в обществе приводит к их «праву» «обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу», то при новом, буржуазном укладе это существенно сужено. Ориентация на дело и рациональность обуславливают то, что их адепты «готовы хоть стену пробить лбом, лишь бы поступить по правилам» [1, с. 160–161].

Столь необычное сочетание разных способов воспитания и самой жизни привело к тому, что вместо узкой немецкой колеи Андрей стал пробивать такую «широкую дорогу», которая не мыслилась ни одному из его родителей. Симбиоз взаимоисключающих начал привёл к формированию особой духовно-нравственной конституции и стереотипов жизни Штольца. Внимательно перечитав произведение, понимаешь, насколько неверны преобладающие в отечественных литературоведческих исследованиях трактовки Штольца как всего лишь дельца, насколько далеки они от гончаровской попытки ещё раз, как и Тургенев, обратиться к огромной по значимости для России проблеме — создания делового симбиоза «новых людей» и крестьянства, укоренения в стране позитивного дела. И если у Тургенева, наряду с прочими ответами, явственно звучат слова о необходимости для этого личной свободы, то у Гончарова к этому добавляется мысль о необходимости глубинной переделки свойственного многим нашим соотечественникам — как крестьянам, так и их «учителям» — обломовского естества.

Штольц, прежде всего, успешный профессионал. И в этом, как верно замечает В. К. Кантор, главная причина российской «нелюбви» к нему. Ведь он подан Гончаровым как «капиталист, взятый с идеальной стороны». «Слово же капиталист, звучит для нас почти ругательством. Мы можем умилиться Обломову, живущему крепостным трудом, самодурам Островского, “дворянским гнездам” Тургенева, даже найти положительные черты у Курагиных, но Штольц!.. Почему-то ни у кого не нашлось столько укоризненных слов относительно Тарантьева и Мухоярова, “братца” Агафьи Матвеевны, которые буквально обворовывают Обломова, сколько их употреблено по отношению к другу детства Штольцу, выручающему Обломова именно потому, что видит он (он, именно он видит!) золотое сердце Ильи Ильича. Происходит интересная подмена: все дурные качества, которые можно связать

с духом наживы и предпринимательства и которые заметны в Тарантьеве и Мухомярове, горьковских купцах, предпринимателях Чехова и Куприна, у нас адресуют Штольцу» [2, с. 257].

Становление капитализма в России к 60-м гг. XIX столетия (с учётом возможности для русских учиться новому укладу в передовых странах Европы) с неизбежностью создавало реальных «штольцев». Конечно, они «двигались по другим орбитам», нежели русские писатели, и потому их бытие не всегда попадало в поле зрения литературы. Однако свидетельства об их деятельности и, главное, её результаты были налицо.

Кроме того, ставя цель исследовать творчество Гончарова в общем культурном контексте становления русского мировоззрения, выскажу гипотезу о главных героях «Обломова». С позиций рассмотрения становления в России «нового человека» как человека дела вкладом Гончарова в этот процесс представляется видение такого человека в его двух дополняющих друг друга ипостасях — Обломова и Штольца. Единство этих частей создаёт общую переходную фигуру, ещё сохраняющую в себе «родимые пятна» феодальной формации и в то же время уже демонстрирующую своей жизнью новое, капиталистическое начало в общественном развитии. Что жизненно и сохранится в будущем? Что с неизбежностью отомрёт? Что придёт на смену умершему? Всё это — в совокупном содержании воображаемого героя, по имени Обломов-Штолец. На мой взгляд, каждый из сосуществующих в романе образов вмещает в себя то, что отсутствует или недостаточно развито в другом.

Но вернёмся к Обломову и к его естеству. Обломов уверен в правильности именно своего способа бытия. В отношении иной жизни он категоричен: «Хороша жизнь! Чего там искать? интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается все это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а снуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку? Войдешь в залу и не налюбуешься, как симметрически рассажены гости, как смирно и глубокомысленно сидят — за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! Отличный пример для ищущего движения ума! Разве это не мертвецы? Разве не спят они всю жизнь сидя? Чем я виноватее их, лежа у себя дома и не заражая головы тройками и валетами?

...Все заражаются друг от друга какой-нибудь мучительной заботой, тоской, болезненно чего-то ищут. И добро бы истины, блага себе и другим — нет, они бледнеют от успеха товарища. <...> Дела-то своего нет, они и разбросались на все стороны, не направились ни на что. Под этой всеобъемлемостью кроется пустота, отсутствие симпатии ко всему! А избрать скромную, трудовую тропинку и идти по ней, прорывать глубокую колею — это скучно, незаметно; там всезнание не поможет и пыль в глаза пускать некому» [1, с. 180–182].

Верно. Но в этой же жизни существуют и Андрей Иванович Штолец, и Пётр Иванович Адуев, герой гончаровской «Обыкновенной истории», которые вовсе не могут быть исчерпаны только теми способами участия в жизни, которые справедливо осуждает Обломов. Оба, несомненно, образованны и культурны, рацио-

нальны и не глухи к голосу сердца, профессиональны и практичны, активны и само-строительны.

В разговоре с Обломовым в ответ на его рассуждения следует мягкий, дружеский вопрос Штольца: «А наша тропинка жизни где?» И в ответ Илья Ильич рисует план покойно-беззаботного существования в деревне, где всё — удовольствия и нега, где во всём достаток, где ты почитаем друзьями и соседями. А если вдруг свалится с неба какой-то куш сверх даденного блага, то его можно в банк поместить и проживать дополнительный рентный доход. И душевное состояние, — продолжает излагать Илья Ильич, — задумчивость, но «не от потери места, не от сенатского дела, а от полноты удовлетворенных желаний, раздумье наслаждения...». И так — «до седых волос, до гробовой доски. Это жизнь!» [1, с. 185, 187]. «Обломовщина это», — возражает Штолец. «Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни, по крайней мере моей» [1, с. 189]. Молча внимает ему Обломов. Незримая битва за жизнь Ильи Ильича началась. «Теперь или никогда!» Можно согласиться с тем, что при таком сюжетном построении мы не видим того, за чей счёт в конечном итоге обеспечивается тот или иной образ жизни. Не видим крестьянства? Зримо его нет. Но читатель понимает, что народ — фундамент общественного устройства в этих раскладах присутствует, так как без него, представленного определённым образом и в определённой системе практических действий, жизнь героев невозможна.

На предложенный Штольцем выбор — «Теперь или никогда!» — сильно влияет случившееся знакомство Ильи Ильича с Ольгой Ильинской. При этом последующее развитие событий раскрывает новую грань и в дихотомии «деяние-недеяние». И если в начале романа Обломов предстаёт перед нами как человек, кажется лишённый способности к активному делу и всецело пребывающий в состоянии, подобном спячке, то после знакомства с Ольгой он иной. В Обломове просыпается (обнаруживается) деятельность и гармонично уживающиеся с ней глубокие чувства. Но одновременно с ними в нём возникает и рациональное начало особого рода, действие которого направлено не на культивирование и укрепление, а на обуздание дел-забот и уничтожение высоких чувств.

По мере развития отношений с Ольгой Илья Ильич начинает предпринимать попытки избежать власти сердца, прибегая для этого к услугам разума. Оказывается, чувственный сибарит Обломов в рационализации своего способа жизнепрживания может дать фору даже хрестоматийно признанному рационалисту Штольцу. Обломов методично давит в себе живое чувство деструктивным рационализмом. И, напротив, Штолец, по многочисленным оценкам — сухарь и делец, полюбив, обнаруживает умение жить и живёт не только разумом, но и глубокими чувствами.

Как возможно сочетание в Обломове высоких чувств, сердца и направленного на их подавление деструктивного «рацио»? Как в рационалисте Штольце, как и в Петре Ивановиче Адуеве, возможна жизнь высоких чувств? И не является ли его, Штольца, конструктивный рационализм как раз той основой, на которой высокие чувства только и могут обрести благодатную почву? В этом между Обломовым и Александром Адуевым, с одной стороны, равно как и между Штольцем и Адуевым-дядей — с другой, возможны содержательно-ценностные параллели. Так, и

Александр, и Илья начинают с того, что принимаются за труд. Однако скоро оставляют его и переходят в состояние, при котором чувства берут верх над рациональным началом: Александр оставляет карьеру, бросается от одной любви к другой, а Илья Ильич, бросив службу, погружается в анабиоз.

Но вот происходят новые события (новая влюблённость у Александра и любовь у Обломова) — и оба героя обращаются не к конструктивной деятельности, а к своему деструктивному рациональному началу, «рацио-убийце»: Александр решает жить «по расчёту», а Обломов изживает своё чувство, потому что наполненная любовью жизнь «как в кузнице» исключает покой. У обоих деструктивный разум одерживает верх.

Что же до Петра Ивановича и Андрея Ивановича, то если вначале оба кажутся почти что ожившими логическими схемами, что и сбивает с толку некоторых исследователей, то потом оказывается, что оба способны к глубоким чувствам.

Выводы в обоих случаях совпадают: подлинно высокое человеческое чувство возможно не иначе как на основе развитой созидательной рациональности, дела, духовности, культуры. И, напротив, варварская, некультуренная сердечность, так называемая природная душевность, фонтан чувств, не будучи переработаны культурой, равно как и надеяние, неизменно ведут к краху. И в этом случае «рацио», если к нему прибегают, может выступить лишь убийцей сердечного движения, проявления души.

Случившаяся с Обломовым любовь действует на него как живая вода. «Жизнь, жизнь опять отворяется мне, — говорил он как в бреду...» [1, с. 245]. Однако он тут же соизмеряет плюсы и минусы любви со своими внутренними стандартами: «Ах, если бы испытывать только эту теплоту любви да не испытывать ее тревог! — мечтал он. — Нет, жизнь трогает, куда ни уйди, так и жжет! Сколько нового движения вдруг втеснилось в нее, занятий! Любовь — претрудная школа жизни!» [1, с. 248].

В словах Ильи Ильича есть известная доля правды, поскольку попадает он в руки девушки особой. Ольга умна, целеустремленна, и в известном смысле Илья Ильич становится её целью, перспективным «проектом», на котором она пробует силы и посредством которого стремится доказать себе и другим, что она сама — нечто значимое. И мы начинаем понимать, отчего она при всяком удобном случае «все колола его легкими сарказмами за праздно убитые годы, изрекала суровый приговор, казнила его апатию глубже, действительнее, нежели Штольц; <...> и он бился, ломал голову, изворачивался, чтоб не упасть тяжело в глазах ее или чтобы помочь ей разъяснить какой-нибудь узел, не то так геройски рассечь его» [1, с. 250]. Естественно, Илья Ильич уставал и про себя сетовал на то, что такая любовь «почище иной службы» и у него вовсе не остаётся времени на «жизнь». «Бедный Обломов», — так отзывался Гончаров, — всё больше чувствовал себя как бы в оковах. И Ольга подтверждает это: «Что я раз назвала своим, того уже не отдам назад, разве отнимут».

В конце концов «любовь-служба» доводит Илью Ильича до кризиса. Он принимает решение расстаться с Ольгой и делает попытку вернуться в скорлупу своей

квартиры-раковины. Осознать мотив этого нетривиального, к тому же предпринятого на вершине любовных отношений поступка для понимания природы Обломова и «обломовщины» важно, но трудно, тем более что сам Гончаров к ответу приступает несколько раз и, наконец, формулирует нечто иррациональное: «Должно быть, он поужинал или полежал на спине, и поэтическое настроение уступило место каким-то ужасам. <...> Обломов с вечера, по обыкновению, прислушивался к биению своего сердца, потом ощупал его руками, поверил, увеличилась ли отверделость там, наконец, углубился в анализ своего счастья и вдруг попал в каплю горечи и отравился. Отрава подействовала сильно и быстро» [1, с. 259]. Таким образом, посредством этого физиологического описания Гончаров вновь, как и в начале романа, указывает на первоисточник деструктивно-рациональных решений героя — органику Ильи Ильича, господство тела над личностью и духом. А какова при этом роль сердца и ума, додумывать приходится читателю.

Согласимся, что «обломовщина» — одно из наиболее характерных явлений русской действительности. Но вот Ольга и, главным образом, Штольц — образы уже завтрашнего дня, несомненно, примеры «нового человека». Как же относится к ним повествователь? Прежде всего, с неизменной искренней симпатией. Как и Обломова за его «золотое сердце», он их тоже любит, хотя, конечно, по-другому. Они — живые люди, наделённые не только разумом, но душой и глубокими чувствами. Вот, например, первая встреча Штольца с Ольгой в Париже после её разрыва с Обломовым. Увидев её, он сразу же «хотел броситься», но потом, поражённый, остановился и стал вглядываться: столь разительной была произошедшая с ней перемена. Она тоже взглянула. Но как! «Всякий брат был бы счастлив, если б ему так обрадовалась любимая сестра». Её голос — «до неги радостный», «проникающий до души». В общении с Ольгой Штольц заботлив, внимателен, участлив.

Или вспомним, как описывает Гончаров размышления Штольца перед объяснением с Ольгой, когда ему становилось даже «страшно» от мысли о том, что жизнь его может быть кончена, если он получит отказ. И продолжается эта внутренняя работа не день-два, а шесть месяцев. «Перед ней стоял прежний, уверенный в себе, немного насмешливый и безгранично добрый, балующий ее друг» [1, с. 438], — говорит о влюблённом Штольце автор. Разве не столь же свидетельствующими о любви к герою эпитетами в превосходных степенях отзывается Гончаров и об Обломове в пору его влюблённости в Ольгу?

В отношении Ольги и Андрея Гончаров повествует то, что мало по отношению к кому имеет возможность сказать русский автор: «Шли годы, а они не уставали жить». И было это счастье «тихим и задумчивым», о котором мечтал, бывало, Обломов. Но было оно и деятельным, в котором Ольга принимала живейшее участие, потому что «без движения она задыхалась как без воздуха».

Образами Андрея Штольца и Ольги Ильинской И. А. Гончаров, может быть впервые и почти что в единственном экземпляре, создал в русской литературе образы «новых», не несчастных, а счастливых, гармоничных в своих сердечных и рациональных началах и делах людей. И образы эти оказались столь редки и

нетипичны, что не были признаны даже в своей идентичности. Да и сегодня эти герои признаются таковыми с трудом, а может быть, и вовсе считаются «лишними». А вот Обломов в качестве «нового» — типичного русского человека — в отечественной философствующей литературе, похоже, укрепился. К сожалению, конечно.

Очередной исторический ракурс изображения «нового человека» в русской классике демонстрируется романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Если говорить коротко и нелицеприятно о концептуальной идее романа, то это, пожалуй, самонадеянная наглость не во всём, но во многом вполне заурядных людей в их натужной страсти показаться людьми необычными. Они живут и поступают так, как будто не было и нет в России тысячелетней культуры, великих творений, выстраданных и созданных тяжким трудом народа и гениев. У них всё элементарно и просто. Они как будто пришли на голое место и с помощью кухонного здравого смысла открывают азбучные истины, претендующие на решение вековых вопросов эстетики и морали. Их единственный критерий — немедленная и явная польза. Их убогая доктрина — «разумный эгоизм». Имя их — думающий и готовящий себя к разрушительной революции «новый человек» — «человек ниоткуда». И, конечно, перед ними не стоит проблема понимания крестьянства, его преобразования и сознательного участия в строительстве новой России.

Зададимся вопросом: как это явление — не реальность, а фантомная (виртуальная) манифестация «новых людей» как особого социального типа — стала возможна? Вопрос этот масштабен, но сейчас обращу внимание на следующее. Так называемые революционные «новые люди» в известном отношении действительно оказались новы: их родословная была далека от родословной основных земледельческих классов России — крестьянства и дворянства.

По мере развития в России капитализма и связанного с ним роста городов в обществе всё больше стало появляться профессий, прежде довольно редких. Это были разного рода служащие, чиновники, мелкие ремесленники. Дети людей, не имевших за плечами сколько бы то ни было длительной истории развития собственного социального слоя, с неизбежностью чувствовали себя появившимися как бы на голом месте, в известном смысле — из небытия. Единственной возможностью закрепиться в жизни для них было получение образования и дальнейшая служба, преподавание, занятия науками. В отличие от крестьян, они не имели земельного надела, а в отличие от дворян — родового состояния, семейной истории и, соответственно, развитого самосознания. Собственное, своего рода интеллектуальное занятие, включая уроки, переписывание, исполнение иных мелких обязанностей, первоначально было то единственное, что давало им надежду на устройство в жизни, но не обещало даже самым талантливым сколько-нибудь надёжного достатка, не говоря уже об общественных высотах.

Их положение было своего рода новым крепостным состоянием, закрывавшим для амбициозной молодёжи пути к общественному росту. Естественно, оно было воспринимается как особого рода несправедливость, ограничение, остро переживаемое и нередко понуждающее к ответному действию, часто разрушительному. Вот почему все «новые люди» в той или иной степени были заражены бациллой

Родиона Раскольникова. И, наверное, как никакой другой слой тогдашней России, потенциально были способны к тому, что именовалось у них «поступком», «делом» — будь то убийство «твари ничтожной» — старушки-процентщицы — или покушения на российского самодержца.

Идеологическое самочувствие революционно настроенной части «новых людей» точно передал революционер-демократ П. Н. Ткачев. «Основной вопрос, который обсуждался тогда в кружках молодых людей, — это вопрос о том, что делать — что делать для того, чтобы реализовать в частной и общественной жизни моральные и социальные идеи, запечатленные в сердцах молодежи? Чернышевский в своем романе подошел ко всем этим вопросам» [5, с. 55].

Вспомним, что представляют собой идеи революционных «новых людей» в конкретных проявлениях характеров и в поступках главных героев романа «Н. Г. Ч.» — Веры Павловны, Лопухина, Кирсанова и вовсе «двигателя двигателей» Рахметова. Лопухов — студент Петербургской медицинской академии, живущий уроками, не бедствующий. Правда, было время, когда он нуждался. «Такое время, — приводит своё наблюдение Чернышевский, — очень благоприятно для кутежа не только со стороны готовности, но и со стороны возможности: пить дешевле, чем есть и одеваться».

«Такому порядочному человеку, как Лопухов, — нужно было не менее 20 копеек, чтобы напиться сивухой, а если бы он съедал 3 ф. (не менее 1 кг 300 гр. — С. Н.) хлеба, то это стоило бы не более 4 1/2 коп. Таковы все расчеты автора, проверяемые действительностью» [9, с. 75], — отзывались некоторые критики романа — современники Чернышевского — о демонстрируемом автором «знании жизни».

Сходный результат проверки действительностью ожидает любого интересующегося и в отношении главного авторского замысла — устройства швейных мастерских на принципах «справедливости». Установка всё делить «поровну между всеми» очевидно утопична, поскольку тут же, наряду с прочим, низведёт к нулю стоимость сколько-нибудь квалифицированного труда. Платить одинаково закройщице, «разогревательнице утюгов» и организующему всё хозяйство менеджеру — экономическая бессмыслица, возможная лишь в горячечной социалистической фантазии или в голове у человека, девственного в экономических познаниях.

Ещё более серьёзные вопросы возникают в отношении исповедуемой «новыми людьми» морали. Следуя логике изложения в романе историй жизни героев, читателя не может не настораживать очевидная идейная близость передового человека Лопухова и отживающего осколка старого времени — матери Веры Павловны, персонажа настолько отрицательного, что даже Верочка её ненавидит [9, с. 44]⁴.

⁴ Сам по себе факт наличия такого чувства дочери к матери явно тяготеет к тому, чтобы стать серьёзным вопросом морального толка. Впрочем, Чернышевский этот факт ненависти подаёт лишь как один из обычных житейских моментов, не более. «Верочка опять видела прежнюю Марию Алексеевну. Вчера ей казалось, что из-под зверской оболочки проглядывают человеческие черты, теперь опять зверь, и только. Верочка усиливалась победить в себе отвращение, но не могла. Прежде она только ненавидела мать, вчера думалось ей, что она перестает её ненавидеть, будет только жалеть, — теперь опять она чувствовала

Вот как резонерствует по этому поводу автор: «Подобно ей он (Чернышевский сообщает о матери Верочки и Лопухове. — С. Н.) говорил, что все на свете делается для выгоды, что когда плут плутует, нечего тут приходить в азарт — что тот плут вовсе не напрасно плут, а таким ему и надобно быть по его обстоятельствам, что не быть ему плутом, не говоря уже о том, что это невозможно, — было бы нелепо, просто сказать, глупо с его стороны» [9, с. 105].

Да и сама Марья Алексеевна через некоторое время после знакомства с Лопуховым не только полностью одобряет его «методу разумного эгоизма», но и начинает с почтением относиться к учёному изложению разделяемых ею общих идей: «Какой умный, основательный, можно сказать, благородный молодой человек! Какие благоразумные правила внушает Верочке! И что значит ученый человек: ведь вот я то же самое стану говорить ей — не слушает, обижается: не могу на нее потрафить, потому что не умею по-ученому говорить. А вот как он по-ученому-то говорит, она и слушает, и видит, что правда, и соглашается» [9, с. 102–103].

«Учёный моралист» Лопухов в своих рассуждениях и намерениях устроить жизнь исключительно на принципах полезности забирается столь высоко, что подняться туда в своих помыслах «мать-зверь» не мечтает. Заметив, что его жена Верочка начала заглядываться на Кирсанова, «новый человек» предлагает ей столь же «новый» практичный и разумно-полезный вариант.

« — Верочка, — начал он через неделю: — мы с тобою живем, исполняя старое поверье, что сапожник всегда без сапог, платье на портном сидит дурно. Мы учим других жить по нашим экономическим принципам, а сами не думаем устроить по ним свою жизнь. Ведь одно большое хозяйство выгоднее нескольких мелких? Я желал бы применить это правило к нашему хозяйству. Если бы мы стали жить с кем-нибудь, мы и те, кто стал бы с нами жить, стали бы сберегать почти половину своих расходов. <...> Как ты думаешь об этом?

Вера Павловна уж давно смотрела на мужа теми же самыми глазами, подозрительными, разгорающимися от гнева, какими смотрел на него Кирсанов в день теоретического разговора. Когда он кончил, ее лицо пылало.

— Я прошу тебя прекратить этот разговор. Он неуместен» [9, с. 266–268].

«Заботясь» о самочувствии и нравственном спокойствии жены, прагматик (у Чернышевского повсюду в ходу термин «материалист», но речь о прагматизме. — С. Н.) Лопухов под предлогом большей экономии хозяйства «на троих», чем «на двоих», предлагает Верочке вариант совместной жизни с ним, Лопуховым, и одновременно с Кирсановым. И, когда получает отказ, попыток не оставляет, но переносит их на Кирсанова, а затем поручает дело «особенному человеку» Рахметову.

Герой этот, по мнению Чернышевского, славен не только силой, но и тем, что мы сегодня назвали бы моральной неразборчивостью и эгоизмом, которые если

ненависть, но и жалость осталась в ней». (Ну чем не христианские качества в «новом» человеке? Интересно, могла ли Верочка при определённых обстоятельствах разделить обычай некоторых варварских племён, в которых не то что ненавидимых, а просто бесполезных стариков убивали?)

и не вызывают восхищения, то тем не менее и не осуждаются автором романа. Чернышевский приводит примеры общения Рахметова с разными людьми: ему было свойственно соблюдать в общении то же правило, как в чтении: «...не тратить времени над второстепенными делами и с второстепенными людьми, заниматься только капитальными, от которых уже и без него изменяются второстепенные дела и руководимые люди. Например, вне своего круга, он знакомился только с людьми, имеющими влияние на других. Кто не был авторитетом для нескольких других людей, тот никакими способами не мог даже войти в разговор с ним. Он говорил: “Вы меня извините, мне некогда”, и отходил. Но точно так же никакими средствами не мог избежать знакомства с ним тот, с кем он хотел познакомиться. Он просто являлся к вам и говорил, что ему было нужно, с таким предисловием: “Я хочу быть знаком с вами; это нужно. Если вам теперь не время, назначьте другое”. На мелкие ваши дела он не обращал никакого внимания, хотя бы вы были ближайшим его знакомым и упрашивали вникнуть в ваше затруднение: “мне некогда”, говорил он и отворачивался» [9, с. 285].

В этом же ключе Рахметов и исполняет последнюю волю Лопухова в разговоре с Верочкой. И, между прочим, ухитряется договориться до обвинения покойника в «эгоизме», поскольку, хотя тот сам, будучи «просвещённым», смотрел на брак как на некую условность, в своей жене этого отношения «выработать» так и не сумел. В результате, она не согласилась на жизнь втроём, и Лопухов вынужден был покончить с собой.

Тема «новых людей» в их нацеленности на крестьянство в дальнейшем получила в XIX в. новое развитие в творчестве Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского. По-новому она зазвучала в советской литературе. Конечно, философствующие писатели, сообразуясь с реалиями и запросами своего времени, вскрыли в ней множество новых важных граней и противоречивых свойств. Однако со временем не исчезло и то, что было заложено отечественной классикой. Оно, напротив, получило новое наполнение, зазвучало новыми смыслами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. Т. 2. 478 с.
- 2 *Кантор В. К.* Русский европеец как явление культуры. М.: РОССПЭН, 2001. 697 с.
- 3 *Лебедев Ю.* Жизнь Тургенева. Всеведущее одиночество гения. М.: Центрполиграф, 2006. 607 с.
- 4 *Никольский С. А.* Мировоззрение русского земледельца в романной прозе И. С. Тургенева // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 83–99.
- 5 *Пинаев М. Т.* Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Комментарий. М.: Просвещение, 1988. 304 с.
- 6 *Труайя Анри.* Иван Тургенев. М.: Эксмо, 2003. 284 с.
- 7 *Тургенев И. С.* Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 2. 702 с.
- 8 *Фонвизин Д. И.* Недоросль. М.: Просвещение, 1987. 288 с.
- 9 *Чернышевский Н.* «Что делать? Критика и комментарии». М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 702 с.

* * *

Nickolsky Sergey Anatolievich,
DSc in Philosophy,
Head of Department of Philosophy of culture,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Goncharnaya St, 12, build. 1, 109240 Moscow, Russian Federation
 E-mail: s-nickolsky@yandex.ru

«NEW PEOPLE» IN THEIR FOCUS ON THE PEASANTRY AS THE IDEA OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE

Abstract: The theme of «new people» is one of the backbones of the national classical literature, art form and philosophical content. In its focus on the peasantry «new people» discover one of the most interesting of its manifestations. However, their view of the peasantry has a historical nature — Russian literary philosophizing begins with an idea of the «new people», presented as an utopia of Russian world and peasant life, as a part of it. This theme has become one of the key ones after Turgenev's «Notes of a Hunter» and novelistic prose, especially the novel «Virgin Soil». The idea is deeply studied by Leo Tolstoy and Nikolai Leskov, Ivan Goncharov, and Anton Chekhov. However, in the further development there is a departure from the idea of the state paternalism and enforcement of revolutionary rebellion, and appearance of a new idea: perception of people as a «material» for the era of revolutionary change, which would result in the emergence of the man «of the communist era».

Keywords: culture, history, literature, new people, the peasantry, the farmer, society, social consciousness, personality, activity.

REFERENCES

- 1 Goncharov I. A. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works in 8 vol.] Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1952. Vol. 2. 478 p.
- 2 Kantor V. K. *Russkii evropeets kak iavlenie kul'tury* [Russian European as the phenomenon of culture]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 697 p.
- 3 Lebedev Iu. *Zhizn' Turgeneva. Vsevedushchee odinochestvo geniia* [Life Of Turgenev. Omniscient loneliness of the genius]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006. 607 p.
- 4 Nikol'skii S. A. *Mirovozzrenie russkogo zemledel'tsa v romannoii proze I. S. Turgeneva* [The world outlook of the peasant in the Russian novelistic prose of I. S. Turgenev]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2008, no 5, pp. 83–99.
- 5 Pinaev M. T. *Roman N. G. Chernyshevskogo «Chto delat'?» Kommentarii* [The Novel of N. G. Chernyshevsky «What to do?» Comments]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. 304 p.
- 6 Truaia Anri. *Ivan Turgenev* [Ivan Turgenev]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 284 p.
- 7 Turgenev I. S. *Sobranie sochinenii: v 12 t.* [Collected works in 12 vol.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1976. Vol. 2. 702 p.
- 8 Fonvizin D. I. *Nedorosl'* [The Minor]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987. 288 p.
- 9 Chernyshevskii N. *«Chto delat'»? Kritika i kommentarii* [«What to do? Criticism and comments»]. Moscow, OOO «Izdatel'stvo AST» Publ., 2002. 702 p.